

DOI 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-189-202

УДК 159.922.4(562)(093)

Андрей Вальтерович Гринёв

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-0246-7945

E-mail: agrinev1960@mail.ru

Психологический портрет эскимосов Аляски (по материалам русских исторических источников) (1763–1867)

АННОТАЦИЯ. Историческая психология, т. е. фиксация и анализ психологических особенностей различных социальных и этнических групп в прошлом, представляет несомненный интерес для науки. Полученный сравнительный материал дает возможность проследить динамику, тенденции и закономерности эволюции психики человеческих сообществ на протяжении определенного отрезка времени. Проведенное исследование, выполненное на основе анализа отечественных исторических источников периода Русской Америки, явно демонстрирует тот факт, что русская колонизация Аляски оказала определенное, хотя и неравномерное воздействие на психологию местных эскимосов (за исключением самых северных групп). Если среди южных эскимосов (алютиик/сугпиак и чугач) изменения в групповой психике носили достаточно заметный характер, то у центральных и северных эскимосских групп (юпик, инупиак) подобные перемены были выражены в гораздо меньшей степени. Такая дифференциация была следствием как длительности и интенсивности контактов с русскими, так и результатом экономической и политической зависимости туземцев. Если южные эскимосы были подчинены русскими силой оружия уже в 1780–1790-х годах и привлекались к промыслу каланов в составе байдарочных флотилий, то жившие к северу эскимосские группы лишь с 1820-х годов стали активно втягиваться в пушную торговлю без силового подчинения со стороны русских, а потому их психология менялась гораздо менее существенно. Деятельность русских православных миссионеров также оказывала определенное влияние на традиционную психологию эскимосов, хотя этот фактор не следует преувеличивать.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эскимосы Аляски, этническая психология, динамика психических процессов, российская колонизация Америки

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гринёв А. В. Психологический портрет эскимосов Аляски (по материалам русских исторических источников) (1763–1867). *Кунсткамера*. 2022. 3(17): 189–202. doi 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-189-202

Andrei Grinev

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-0246-7945
E-mail: agrinev1960@mail.ru

Psychological Portrait of the Eskimos of Alaska Based on Russian Historical Sources (1763–1867)

ABSTRACT. Historical psychology, that is, the fixation and analysis of the psychological characteristics of various social and ethnic groups in the past, is of undoubted interest to science. The obtained comparative material makes it possible to trace the dynamics, trends and patterns of evolution of the psyche of human communities over a certain period of time. The study, based on the analysis of domestic historical sources of the period of Russian America, clearly demonstrates the fact that the Russian colonization of Alaska had a certain, albeit uneven, impact on the psychology of the local Eskimos (with the exception of the northernmost groups). If among the southern Eskimos (Alutiiq / Sugpiaq and Chugach) changes in the group mentality were quite noticeable, then among the central and northern Eskimo groups (Yupik, Iñupiaq) such changes were much less pronounced. Such differentiation was a consequence of both the duration and intensity of contacts with the Russians, and the result of the economic and political dependence of the natives. If the southern Eskimos were subjugated by the Russians by force of arms already in the 1780s — 1790s and began to be actively involved in the hunting of sea otters, then the Eskimo groups living to the north only from the 1820s began to get involved in the fur trade without forceful subordination on the part of the Russians, and therefore their psychology changed much less significantly. The activities of the Russian Orthodox missionaries also had a certain influence on the traditional psychology of the Eskimos, although this factor should not be exaggerated.

KEY WORDS: Eskimos of Alaska, ethnic psychology, dynamics of mental processes, Russian colonization of America

FOR CITATION: Grinev A. Psychological Portrait of the Eskimos of Alaska Based on Russian Historical Sources (1763–1867). *Kunstkamera*. 2022. 3(17): 189–202. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-189-202

Тема влияния русской колонизации на психологию эскимосов Аляски еще ни разу не была объектом специального изучения. Возможно, причина кроется в недостатке информации, так как в исторических источниках периода Русской Америки, когда Аляска и Алеутские острова были составной частью Российской империи, об эмоциях и психологии местного населения говорилось обычно редко и отрывочно. Чаще всего в исторических документах фиксировались географические особенности местности, климат, флора и фауна, внешность и численность туземного населения, его материальная и духовная культура. Многие русские просто не интересовались психологией туземцев или контактировали с ними слишком короткое время, чтобы делать основательные выводы о своеобразии эмоциональных и психологических установок, типичных для того или иного туземного сообщества. При этом следует подчеркнуть, что в документах, рапортах, записках и дневниках русских путешественников, чиновников, ученых и миссионеров описание психологических особенностей туземных жителей зависело от конкретной ситуации, исторического периода, специфики этнической группы, ее отношения к пришельцам, а также личности автора письменного материала. Учитывая эти обстоятельства, попробуем, опираясь на русские исторические источники (включая архивные), реконструировать отличительные черты и обобщенные психологические характеристики, присущие разным группам эскимосов Аляски в период российской колонизации, а также проследить основные тенденции в развитии их психической сферы. Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы в дальнейшем как информационный ресурс для специалистов в области исторической/этнической психологии.

Первые сведения об эскимосах Аляски были получены русскими еще в середине XVII в., когда отечественные первопроходцы начали активно проникать в район к югу от Чукотского полуострова. В 1647 г. сухопутное путешествие на реку Анадырь совершил «служилый человек» (казак) Михаил Стадучин, в «скаске» (донесении) которого впервые упоминается Аляска. Смутные сведения о ней содержались в рассказе одной из туземок (очевидно, эскимоске), бывшей в плену у чукчей. Аляска в «скаске» Стадучина представлена в виде «Камня» в море у восточных берегов Чукотки (Русская Тихоокеанская эпопея 1979: 73).

В 1648 г. состоялось историческое плавание казака Семена Дежнева от устья Колымы вдоль побережья Чукотского полуострова до устья Анадыря. Отправившись на семи небольших судах, мореходы попали в шторм, который разметал корабли по океану: судьба четырех из них осталась неизвестной, а три, во главе с Дежневым, продолжили свое плавание, обогнув с востока Чукотский полуостров, пройдя, таким образом, первыми из европейцев через Берингов пролив. В «отписке» Дежнева об этом походе упоминаются острова напротив «Чукотского Носа» (мыса). Очевидно, речь шла об островах Диомида в Беринговом проливе. Об этом же свидетельствует упоминание об обитавших там «зубатых чукчах», т. е. эскимосах, которые вставляли в прорези в щеках и под нижней губой «рыбий зуб» — втулки из моржовой кости (Ефимов 1948: 221; Русская Тихоокеанская эпопея 1979: 77–79). Разумеется, что об их психологии в донесениях полуграмотных казаков не говорилось ни слова.

В дальнейшем Чукотка так и не стала трамплином для проникновения русских на Американский континент: здесь не водился соболь (главный промысловый зверь в Сибири), не было дерева для постройки судов, климат отличался чрезвычайной суровостью, а местное население было на редкость воинственным. Поэтому российская колонизация Нового Света изначально проходила гораздо южнее и началось спустя почти столетие после плавания Дежнева, когда в результате реформ Петра I у русских появились суда европейского типа, способные пересечь необозримые просторы Тихоокеанского Севера. В 1728 г. находившийся на русской службе датчанин Витус Беринг прошел проливом между Азией и Америкой на небольшом парусном боте «Св. Гавриил», но не идентифицировал сам пролив из-за туманов и не имел контактов с местными эскимосами. В 1732 г. русские моряки на этом же судне впервые побывали у берегов Западной Аляски в районе Берингова пролива, где у них состоялось несколько мимолетных контактов с эскимосами инупиак, что, конечно, не позволило собрать достаточно информации об особенностях их психологии.

В 1741 г. командор Беринг и его помощник капитан Алексей Чириков на пакетботах «Св. Петр» и «Св. Павел» отправились с Камчатки на восток и обнаружили берега и острова Юго-Восточной и Южной Аляски, а также гряду Алеутских и Командорских островов, положив начало русской колонизации Америки. Камчатские купцы, промышленники и казаки, узнав от вернувшихся из плавания моряков о пушных богатствах новооткрытых земель, начали создавать промысловые компании, которые занимались добычей ценной пушнины на тихоокеанских островах к востоку от Камчатки. Попутно экипажи купеческих судов старались подчинить местных алеутов, уговаривая или принуждая их платить ясак (дань пушниной) в царскую казну и охотиться на каланов и лисиц для русских промышленников. При этом для подчинения туземцев и собственной безопасности русские обычно брали у них заложников-аманатов, в которые попадали, как правило, дети алеутских старейшин (тоенов).

Поскольку до 1780-х годов в промысловых экспедициях на Алеутские острова участвовали в основном малообразованные и малограмотные купцы, купеческие приказчики, промышленники и казаки, в их донесениях и рапортах крайне редко можно найти материал, связанный с психологией коренных обитателей Нового Света. Обычно в документах участников промысловых плаваний говорилось в первую очередь о состоянии команды и судна, ходе промысла, географических деталях посещенных островов, иногда сообщалось также о контактах и стычках с туземцами, их численности, внешности, материальной культуре, образе жизни, верованиях и т. п. Естественно, что основной массив данных в этот период касался алеутов, но с 1760-х годов в русских источниках стали периодически упоминаться южные эскимосы, жившие к востоку от полуострова Аляска.

Следует сказать несколько слов по поводу их этнических обозначений как в старинных русских источниках, так и в современной этнографической литературе. Ученые делят аляскинских эскимосов (сам термин в США сейчас не приветствуется как неполиткорректный) на три группы: инупиак (северные группы), юпик (центральные) и алютиик/алютиит или сугпиак/сугпиит (южные), которые обитали почти на всем побережье Аляски вплоть до залива Принс-Уильям, а также на прилегающих островах. Обитавшие на материковом побережье алютиик от полуострова Аляска и до залива Кука были известны в русских источниках как «аляскинцы», а их ближайшие родственники, населявшие крупный остров Кадьяк, — как «коняги» (от алеутского слова «канагик»), «кадьякцы», «кадьякские алеуты», но обычно просто как «алеуты» (отсюда возник современный этноним «алютиик»). Их культура и образ жизни очень напоминали русским культуру и быт коренных обитателей Алеутских островов. К востоку от Кадьяка на берегах и островах залива Принс-Уильям жила еще одна группа алютиик/сугпиак, известная как «чугачи».

Впервые русские познакомились с южными эскимосами в 1763 г., когда на Кадьяке зазимовало судно, которым командовал мореход Степан Глотов. Местные жители враждебно встретили русских, трижды пытаясь захватить судно и перебить экипаж. Такое отношение к пришельцам, вероятно, возникло вследствие воинственности обитателей острова и слухов о русских как о сильных и беспощадных противниках, угнетавших восточных алеутов, с которыми, впрочем, сами кадьякцы вели непрерывные войны. Мичман Давыдов писал в начале XIX в., что «до прибытия русских они уже знали о них по слухам с Алеутских островов» (Шелихов, Давыдов 2019: 304).

Агрессивное поведение кадьякцев отразилось в рапорте Глотова, который писал: «На Кадьяке живут по их названию Канагыст, коих многое число; обычаем своенравны и зверообразны; не ведают над собою никакого властителя и между собою друг над другом почтения никакого не имеют; платье носят парки лисьи, бобровья, птичьи, еврашечьи, оленьи; на ногах зимою длинные торбасы из оленьих камасов; нижняго платья не носят; шапки разных манеров и из разных вещей; оружие имеют луки и стрелы, копья и ножи из оленьих костей, а топоры из черного камня, из коего и стрелы делают; русский народ, по своему зверонравному обычаю, желают, не упустя, уязвить и смертно побить, а имеющееся при них все ограбить и в добычу получить; вновь при-

бывшему русскому приятству оказать не хотят никакого; на увещательныя к ним многия слова, к чинению дружелюбнаго жития и мира, не обращают внимания» (АРГО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2. Л. 82–83).

Таким образом, в источнике указывались такие черты характера, психологического настроения и мотивации местных аляутиков, как агрессивность, враждебность, злоба и жажда грабежа. Разумеется, что такая оценка островитян была результатом первого негативного контакта с русскими.

Впрочем, в дальнейшем обитатели Кадьяка также враждебно встречали экипажи других русских судов, как и их сородичи на материковом побережье. Последние после нескольких стычек с русским во главе с мореходами Дмитрием Панковым и Дмитрием Полотовым в июне 1782 г. отказывались, несмотря на тяжелые потери, покоряться и выдавать заложников-аманатов, высокомерно заявив русским: «Коняги люди воинственные и сердца у них долгие (злопамятные); а вас мы считаем хуже баб; как мы можем быть согласны с такими людьми и даже покориться им, когда нас боятся все соседи и нам послушны... а потому иметь дружбу с русскими способа нет и надобности не предвидится» (АРГО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2. Л. 145).

Лишь в 1784 г. известный купец Григорий Шелихов, прибывший к Кадьяку на двух галиотах, смог подчинить местных жителей в результате нескольких сражений. Благодаря военному превосходству он смог окончательно закрепиться на острове, основав здесь первое постоянное русское поселение в Америке. Сам Шелихов подтверждал прежнюю характеристику кадьякцев, отметив, что те вели традиционный образ жизни как настоящие разбойники, пробавляясь грабежом соседних племен: «Кто чаще, больше и удачнее украсть что успеет, тот чрез это большую похвалу заслуживает» (Шелихов 1971: 60).

Далее, давая более детальное описание психических свойств кадьякцев, Шелихов отмечал: «От природы хитры и предприимчивы; в обидах мстительны и злобны, хотя с виду кажутся и тихи. О верности и справедливости их вообще, по причине моего там маловременного пребывания, сказать не могу, ибо я видел от многих великие доказательства верности и постоянства, видел же тому и противное. <...> Народ вообще веселого и беспечного свойства; доказательством сему служат вседневные их игрища; и поелику они в неограниченной и всегдашней живут распутности, так что домашнее их хозяйство в крайнем небрежении, да и понятия о том не имеют, и оттого часто голод и наготу терпеть принуждены бывают» (Шелихов 1971: 61).

Таким образом, уже в этом описании Шелихова обнаруживается отличие психологии конягов-аляутиков от алеутов: изначально обитатели Кадьяка были хитры, энергичны, мстительны, для них был характерен веселый нрав и яркий темперамент, в отличие от жителей Алеутского архипелага, детальное описание характера которых оставил знаменитый миссионер Иван Вениаминов (Святитель Иннокентий) (Вениаминов 1840: 19–50).

В начале XIX в. туземцы Южной Аляски попали под власть монопольной Российско-Американской компании (РАК), которая была образована в июле 1799 г. под эгидой царского правительства для управления заокеанскими владениями империи и эксплуатации ее природных ресурсов. Главным богатством Аляски вплоть до ее продажи США в 1867 г. была ценная пушнина, которая в основном добывалась руками зависимых туземцев, в том числе кадьякцев, под жестким надзором русских промышленников и приказчиков РАК. Вместе с тем компания с 1802 г. стала нанимать морских офицеров для управления кораблями своей колониальной флотилии. Один из них — мичман Гавриил Давыдов, перезимовавший на Кадьяке в 1802/1803 г. и много путешествовавший по берегам острова и в его окрестностях в компании местных эскимосов, составил их детальный психологический портрет. Давыдов писал, что туземцы довольно умны и практичны, что доказывают предметы их материальной культуры: «Наблюдая за островитянами, я уверился, что они настолько умны и предприимчивы и настолько при бедности способов усовершенствовали все свои рукоделия, что по этим качествам не могут именоваться совершенно дикими. Правда, круг занятий их весьма узок, но все ими выработанное придумано и сделано искусно,

несмотря на скудость орудий, какими европейский художник мало бы что мог сделать» (Шелихов, Давыдов 2019: 274).

При этом некоторые кадьякцы проявляли хорошие способности к обучению и заимствовали у русских навыки изготовления некоторых предметов. По словам Давыдова, они «перенимают некоторые поделки от русских и мало уступают своим учителям». Кроме того, он отмечал, что от природы островитяне обладали прекрасным зрением и глазомером, а также памятью: «Память их, не обремененная учением и познаниями, очень исправна: они по преданиям рассказывают во время игрищ давние деяния своих соотечественников. Им достаточно однажды что-нибудь услышать или увидеть какое-либо место, и они навсегда это запомнят. В губе (заливе. — *А. Г.*), где проплывал коняг, он знает уже все камни, и на него можно положиться, как на самого исправного лощмана» (Шелихов, Давыдов 2019: 274).

Наконец, кадьякам не было свойственно воровство (если, конечно, абстрагироваться от военного грабежа во время набегов до прихода русских), о чем также сообщал Давыдов: «Коняги не имеют порока, свойственного почти всем диким, а именно воровства — я не слышал, чтобы оно когда-либо случалось между ними. Можно оставить американца (туземца. — *А. Г.*) одного в месте, наполненном всякими сокровищами, и он, без сомнения, ничего не возьмет, кроме нужного количества табака — разве что за это нельзя поручиться, настолько табак сделался им необходим» (Шелихов, Давыдов 2019: 277).

Отмечая эти положительные качества кадьякцев, Давыдов вместе с тем указывает и на отрицательные черты их характера: «Таковые качества конягов, безусловно, достойны похвалы. Но, к сожалению, в сравнение с достоинствами должен я теперь поставить другие качества, узнав о которых едва ли кто-то прельстится состоянием дикого человека. Неблагодарность, непримиримое мщение к неприятелям, жестокость по отношению к ним, непривязанность к родным и равнодушие к несчастьям самых ближних — все это их черты. Островитяне весьма притворны и лукавы: никогда не увидишь коняга в бешенстве, он умеет скрыть даже самую сильную ненависть и всякое мщение рассчитывает со спокойным духом. Если они приезжают в селение с русским, понимающим их язык, то, войдя в шалаш, сразу говорят, что русский этот добрый человек и знает их язык, — этим они предостерегают других, чтобы не говорили лишнего» (Шелихов, Давыдов 2019: 275). Хотя при этом русскому делают разные услуги, но они, по мнению Давыдова, есть лишь следствие слабости и страха, иначе кадьякцы, несомненно, проявили бы свойственные им «злоумышление и лютость». Жестокость вообще была присуща островитянам, с сожалением констатировал Давыдов: «Я сказал, что равнодушие к несчастьям даже своих соотечественников — это обычная для них жестокость. Она так велика, что когда плывет много байдарок и одна из них опрокинется, то другие проезжают мимо, если утопающие не одного с ними селения» (Шелихов, Давыдов 2019: 276–277).

Подобное бессердечное отношение к жизни другого человека отражалось и в отношении к собственной жизни, а потому среди кадьякцев были очень распространены самоубийства, о чем также сообщал Давыдов: «Равнодушие этих дикарей к жизни достойно удивления. Самоубийства здесь иногда происходят из-за самых малых причин и о предотвращении их мало заботятся. Когда кто-то скажет, что он хочет убиться или утопиться, то его не станут ни удерживать, ни уговаривать отказаться от такого намерения и даже, увидев его утопающего, никто не поедет спасать» (Шелихов, Давыдов 2019: 277).

К жестокости островитян приучали с детства, заставляя их мучить и пытать военнопленных. Поощрялась жестокие поступки даже в обращении с самыми близкими родственниками. Давыдов писал: «Отец радуется, когда сын бросит в него или в мать камнем и зашибет до крови» (Шелихов, Давыдов 2019: 281). Такое воспитание и отношение между родителями и детьми резко контрастировало с поведением алеутов, среди которых были исключительно сильны чувства привязанности к родителям и любви к детям, что сообщал Вениаминов: «В Алеутах, при всем их хладнокровии и равнодушии, видна любовь к детям и детей к родителям» (Вениаминов 1840: 26–40). Ради детей

родители готовы были голодать, а иногда, в случае гибели сына, отец мог с горя кончить жизнь самоубийством. Со своей стороны, дети старались всячески заботиться о пожилых родителях. «Бросить родителей, — свидетельствовал Вениаминов, — считалось самым бесчестным поступком» (Вениаминов 1840: 137–138).

Ничего подобного не наблюдалось среди кадьякцев, среди которых, по замечанию Давыдова, процветал настоящий садизм: «Дети островитян еще в детстве хвастаются, разрезая себе тело, и эта склонность к мучениям возрастает, кажется, в них вместе с силами: не только ребенок, но и взрослый никогда не пройдет мимо птицы, чтобы не бросить в нее камнем. Если вытянутая в неводе рыба шевелится, то идущие мимо останавливаются, чтобы иметь удовольствие бить ее по голове. Поймав ворону или сороку, выколуют ей глаза или поломают ногу, а потом выпускают» (Шелихов, Давыдов 2019: 282). Капитан-лейтенант Юрий Лисянский, прозимовавший на Кадьяке в 1804/1805 г. подтверждал слова Давыдова: «Кадьякский житель не чувствует ни малейшей жалости. Он не пропустит ничего, плавающего по морю, не бросив в него своей стрелки (дротика. — А. Г.)» (Лисянский 1947: 184).

Помимо этого перечня дурных качеств, Давыдов приводил примеры беспечности и паталогической лени кадьякцев, хотя присутствие и принуждение русских, с одной стороны, и новые потребности (особенно в табаке) — с другой, постепенно усиливали между ними трудолюбие. Правда, добавлял Давыдов, если уж туземец брался за промысел, то готов стойко переносить все трудности, включая голод (Шелихов, Давыдов 2019: 275–276). При этом, по словам морского офицера, кадьякцы хорошо понимали собственную выгоду: «Островитяне ленивы, хладнокровны, кажутся даже глупыми, но при этом не упустят своей выгоды. Кто им больше дает, у того они всегда больше просят. Зимой, когда нет ничего свежего, привозят они в гавань уток, свежую рыбу и продают за разные нужные им безделицы, особенно за табак. Заметив, что наши люди (команда корабля Давыдова. — А. Г.) охотнее у них покупают, тотчас стали брать с них дороже. Когда американец (туземец. — А. Г.) принесет несколько уток, то сначала покажет одну, потом, продав первую, вторую и, наконец, третью и так далее, в надежде, что порознь получит за них больше, чем за всех вместе» (Шелихов, Давыдов 2019: 277–278). Вообще в торговле с русскими кадьякцы пускались на всякие хитрости и обман, им были присущи корыстолюбие и неблагодарность (Шелихов, Давыдов 2019: 278–279). Кроме того, морские офицеры Гавриил Давыдов и Юрий Лисянский отмечали, что островитяне были большими любителями азартных игр и бывало проигрывали все свое имущество. При этом они были достаточно честны во время игры со своими сородичами и не занимались разными жульничествами, как во время торговли с русскими (Шелихов, Давыдов 2019: 301; Лисянский 1947: 188).

В начале XIX в. кадьякцы еще сохраняли присущую их предкам веселость, о чем упоминал в своих «Записках» иеромонах Гедеон, побывавший на Кадьяке в 1805–1807 гг.: «Кадьякцы по большей части молчаливы, а в ответах скоры, замысловаты и шутивы» (Русская Америка 1994: 79). В отличие от замкнутых и апатичных алеутов, кадьякцы обычно давали волю своим чувствам и отличались хвастовством. Капитан Лисянский писал, что, когда он подарил одному из сыновей местного тоена янтарь, который очень ценили туземцы, тот пришел в полный восторг. Лисянский свидетельствовал: «Я подарил небольшой кусок янтаря тоенскому сыну, который едва не сошел с ума от радости. Взяв эту драгоценность в руки, он вне себя кричал “Теперь Савва (так его называли при крещении) богат. Все знали Савву по храбрости и проворству, но ныне узнают его по янтарю”. Мне после рассказывали, что он ездил в разные места острова нарочно, чтобы показать мой подарок» (Лисянский 1947: 179).

В отличие от набожных алеутов, обитатели Кадьяка были равнодушны к православию: религия почти не оказывала влияния на их поведение и чувства. Лисянский писал по этому поводу: «Теперь они почти все считаются христианами. Но вся вера их состоит только в том, что они имеют по одной жене и крестятся, входя в дом русского. В остальном не имеют никакого понятия о наших догматах, а переходят в веру единственно из корысти, т. е. чтобы получить крест или

другой какой-либо подарок. Я знал многих, которые трижды крестились, получая за то каждый раз рубаху или платок» (Лисянский 1947: 180). Об этом же впоследствии сообщал и Вениаминов: «Сравнивая алеутов с кадьякцами — их соседями — в религиозном отношении, с первого раза видно большое различие между ними. У кадьякцев и по сию пору существует шаманство и все прежнее их суеверия почти в полной силе, тогда как у алеутов первого совсем нет, да и последнее в несравненно меньшей степени, чем прежде. Из кадьякцев едва сотая часть сколько-нибудь исполняют обязанности религии и весьма не многих можно признать усердными к ней; а алеуты, по всей справедливости, в этом отношении не уступят и самым лучшим христианам нашего времени» (Вениаминов 1840: 147).

Единственное, в чем наблюдалось определенное сходство в психологии и поведении алеутов и обитателей Кадьяка, — это бесхозяйственность, беспечность и лень. В то же время основные черты характера кадьякцев были присущи их ближайшим родственникам чугачам, причем последним первоначально присуща еще большая агрессивность и вспыльчивость. Вместе с тем, в отличие от обитателей Кадьяка, чугачи зарекомендовали себя как искусные воры. Когда в 1788 г. галиот «Три Святителя» отправился с Кадьяка на разведку на восток в залив Принс-Уильям и побывал у островов, населенных чугачами, русские моряки отмечали: «Сам по себе народ этот примечается лукавым и хитрым, к обману и к воровству склонным, но на уверение о своем постоянстве твердым, охотно разговорчив и нетерпелив к выслушиванию чужих разговоров» (Шелихов 1971: 94).

В 1790 г. капитан Гавриил Сарычев, побывавший в заливе Принс-Уильям, подчеркивал: «Замечания достойно, что здешние жители чрезвычайно склонны к воровству. Редкий день проходил, в который бы они чего-нибудь у нас или у служителей не украли, а иногда вырывали из рук и поспешно удалялись, что делали они по большей части на берегу со служителями» (Сарычев 2016: 173–174). Правитель компании Шелихова Александр Баранов считал, что чугачи были храбрее кадьякцев, умны, лукавы, притворны и в высшей степени склонны к воровству (Хлебников 1979: 52). Это подтверждал и Давыдов: «Чугачи кажется хитрее, храбрее и осторожнее других народов» (Шелихов, Давыдов 2019: 287).

Тем не менее воздействие русской колонизации постепенно сказывалось на психологии и привычках чугачей и особенно обитателей Кадьяка, на что указывали очевидцы. Не прошло еще и тридцати пяти лет, после того как русские обосновались на острове, как от былой воинственности и агрессивности местных эскимосов не осталось и следа. Побывавший на Кадьяке в ходе кругосветной экспедиции на шлюпе «Камчатка» мичман Федор Литке свидетельствовал: «Нрава природные жители Кадьяка тихаго и веселаго». Им дали полную свободу ходить по всему кораблю, но они не делали никаких попыток что-либо украсть, не завидовали один другому и всегда были готовы смеяться. Местные старожилы сообщили Литке, что лень островитян «более, нежели что-либо иное, было причиною, что они с самых тех пор, как россияне поселились на Кадьяке, ни разу не возмущались» (РГАВМФ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 8. Л. 164 об. — 165).

Длительное общение с русскими выработало у кадьякцев привычку к притворству и сокрытию истинных эмоций, намерений и правдивой информации. Мичман Давыдов писал: «Образ прежней жизни конягов, когда они находились в беспрестанных войнах и опасности, и нынешнее владычество над ними русских привели к тому, что дикие научились притворяться и редко говорят правду» (Шелихов, Давыдов 2019: 290).

Об этом же сообщал правитель Новоархангельской конторы РАК (1818–1833) Кирилл Хлебников: «Из собственных замечаний я мог бы сказать об алеутах (алютиик. — *А. Г.*), что в характере их не последнюю черту составляет притворство. Счастье, гнев, радость, злость, страх, столь сильно выражаемые на лицах людей откровенных, а следовательно, более чувствительных, они умеют скрывать за окаменелым бесчувствием. Может быть, от сего происходит и непреодолимое упрямство. Уличайте виновного из них в преступлении — он молчит, приводите доказательства — молчит. Нередко после обличения в воровстве или других проступках доводилось виновного высечь розгами или плетью — он остается столь же нечувствителен при наказании,

как и при допросе: молчит, закусив губы, не издавая ни вдоха, ни восклицания. Нужно ли пояснять, что следствием сего молчания остается в душе его мщение. Нынешний образ обхождения с ними может ослаблять и иногда переменять их ожесточение, ибо после наказания за вину, если будет замечено при первом случае, что он сделал нечто хорошее, его или хвалят, или награждают по мере заслуги, не напоминая о прошедшем дурном поступке; но оставьте его без внимания, дайте усилиться ожесточению, то следствия будут опасны. Были примеры, что ожесточенные делались изменниками, убийцами и, если не в силах были отомстить по своему размеру, тогда были самоубийцами. Собственно, между ними возникнувшие вражды при неудачах отмщения оканчивались сим же средством, доказывающим, до какой крайности доходит ожесточение их сердец» (Хлебников 1979: 23).

Привычка скрывать эмоции и информацию от русских, угроза наказания со стороны последних приводила к тому, что среди некогда веселых и открытых туземцев царила замкнутость и недоверчивость. Главный правитель Русской Америки в 1830–1835 гг. барон Фердинанд фон Врангель, побывавший с инспекционной поездкой на Кадьяке летом 1831 г., писал о местных туземцах: «Народ сей так запуган (приказчиками РАК. — А. Г.), что стоило немалого терпения развязать им языки, чтобы объяснили мне свои нужды» (NARS. Roll. 34: 172).

Тридцать лет спустя ревизор деятельности РАК морской офицер Павел Головин писал о кадьяках: «По характеру они чрезвычайно смиренны, покорны и добры; терпеливы в перенесении всяких лишений, некорыстолобивы; но обидчивы, хотя и стараются это скрывать, ленивы, беспечны и прожорливы» (Приложения к докладу... 1863: 312). По мнению другого ревизора — Сергея Костливцова, лень и легкомыслие кадьяков и алеутов была следствием излишней опеки со стороны РАК и помощи с ее стороны во время голодовок, болезней и других жизненных проблем. Эта опека, по словам Костливцова, «породила в них лень и беспечность, равнодушие к улучшению своего быта, привычку надеяться во всем на Компанию и потому недостаток энергии и охоты к собственному труду» (Приложения к докладу... 1863: 86).

Под воздействием русской колонизации аналогичные изменения произошли в психологии воинственных чугачей. Горный инженер Петр Дорошин, побывавший на Аляске в 1848–1853 гг., отмечал: «Теперь это народ кроткий, мирный, чему способствовало, без сомнения, частью и разумное пользование компанией своими привилегиями» (Дорошин 1866: 371, 375). О миролюбивом характере чугачей в начале 1860-х годов свидетельствовал и Павел Головин: «Характером они кротки, довольно честны, но к водке также имеют большую склонность» (Приложения к докладу... 1863: 307). Его коллега Сергей Костливцов аналогичным образом подчеркивал миролюбие чугачей: «Что сказано было об алеутах в отношении добрых наклонностей, кротости характера и покорности начальству, над ними поставленному, тоже должно повторить и о чугачах, народе, живущем на материке Америки близ Чугацкой губы, где устроен Компанией Константиновский редут» (Приложения к докладу... 1863: 87–88).

Что касается живших севернее юпик и инупиак, то до 1820-х годов, когда агенты РАК начали активное проникновение на их территории в поисках пушнины, контакты между этими группами и русскими были редки, а потому сведения об особенностях их психологии носили отрывочный характер. Так, посетивший в 1791 г. берега Западной Аляски в районе мыса Родни капитан Сарычев писал, что местные жители были веселого нрава и более открыты, чем чугачи: «Вид имеют веселый и обещающий более откровенности, нежели те американцы, коих мы видели в Шугачской губе» (Сарычев 2016: 207). Побывавший у берегов острова Св. Лаврентия на бригае «Рюрик» лейтенант Отто фон Коцебу в 1816 г. также отмечал открытое проявление эмоций и живой темперамент местных юпиков: «Чтобы мы ни делали, они смеялись безмерно, но как только какое-либо наше движение возбуждало в них хоть малейшее подозрение, то они принимали свирепый вид и располагались либо к побегу, либо к отпору, но когда узнавали свою ошибку, то тотчас делались опять учтивыми; их лица, испачканные китовым жиром, при быстрых переходах от смеха к злобе казались чрезвычайно забавными» (Коцебу 1948: 76).

Обитавшие севернее Берингова пролива инупиак были более агрессивны и даже пытались захватить шлюпку Коцебу с его немногочисленными товарищами, смеялись над ружьями, не принимая их действия, и только обнаженные сабли заставили их отказаться от нападения. Коцебу отмечал также хитрые уловки и неоднократные попытки обмана, с помощью которых эти туземцы хотели получить дополнительную порцию табака или выторговать больше вещей от русских. Он также подчеркивал желание местных инупиак смеяться по малейшему поводу: «Они несколько выше среднего роста, крепкого сложения; все движения весьма живы; они, кажется, склонны к шуткам и имеют вид необузданный, но не глупый <...> Я должен заметить, что чукчи и американцы (инупиак. — *А. Г.*), которых мы видели, отличаются от всех прочих северных народов постоянно веселым расположением духа» (Коцебу 1948: 82–84, 100).

Служивший на бриге «Рюрик» мичман Василий Хромченко, вернувшийся затем в Русскую Америку, побывал в 1821 г. у берегов залива Нортон, командуя бригам РАК «Головнин». Он писал о местных инупиак: «Они кажутся нрава тихого, добродушны, приветливы и миролюбивы, но, с другой стороны, должно думать, что ведут между собою войны, ибо имеют много разного рода оружия» (Хлебников 1979: 225). И добавлял, что туземцы достаточно энергичны, но при этом довольно ленивы и особенно склонны к воровству.

В 1832 г. схожую оценку берингоморским инупиак давал лейтенант Михаил Тебеньков, побывавший в тех же местах, что и Хромченко: «Вообще они миролюбивы и показывают какую-то особенную недоверчивость и трусость, исключая, однако, молодежи <...> Впрочем они вообще трусливы, лукавы и страстно преданы лжи и воровству» (АРГО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 55. Л. 9 об., 16). Тебеньков явно преувеличил трусость инупиаков, которые в 1835 г. пытались захватить Михайловский редут, основанный в 1833 г. на южном берегу залива Нортон. Еще более воинственными были северные инупиак, которые в 1838 г. неоднократно угрожали нападением на экспедицию Александра Кашеварова (Кашеваров 1840: 136–137).

В начале 1840-х годов лейтенант Лаврентий Загоскин, путешествуя среди живших южнее в долине Нижнего Юкона юпиков, которых он называл «канг-юлит», дал более позитивную характеристику их психическому складу: «Не имея случая испытать их умственных способностей при систематическом учении, надо отдать справедливость, что они сметливы, легко воспринимают чужие достижения, положительны в соображениях, зорки и одарены свежей памятью. Гостеприимством славятся необразованные народы; эта добродетель составляет самую отличительную черту характера народа канг-юлит. <...> Народ, имеющий во главе нравственного своего учения помощь ближнему, не завистлив, не жаден к прибытку, не жесток сердцем. И точно такие качества мы замечаем в общности характера тех племен народа канг-юлит, которые проживают по южному побережью залива Нортон, Квихпака (Юкона. — *А. Г.*) и Кускоквима. Составляя небольшие племена, разнящиеся наречием, дух народа боязлив и вследствие этого скрытен и мстителен: не имея смелости стать против врага грудью, тактика их основана на нападении врасплох. Страсти, волнующие туземца этих племен, как бы он ни старался их скрыть, всегда выкажут его лицо и движения, что одно доказывает его невоинственность. Туземцы приморья (инупиак. — *А. Г.*), составляя класс исключительно торговцев, хитрее, оборотливее своих соплеменников, проживающих по Квихпаку, но обоюдные их сношения основаны на честности, и нет примеров, чтоб один обманул другого. Между туземцами воровство презрительно, но стянуть что-нибудь у русского и не быть пойманным становилось в удалстве» (Загоскин 1956: 85).

Загоскин, который во время своей экспедиции в районы Западной и Центральной Аляски неоднократно наблюдал обычаи и быт местных юпиков, опровергал распространенное мнение о лени туземцев: «Нельзя назвать квихпакцев и кускоквимцев от природы ленивыми или беспечными потому только, что они мало заботятся о будущем. Напротив, мы показали, что там, где необходим труд, туземец в высокой степени обладает стойкостью и терпением» (Загоскин 1956: 223).

К концу существования Русской Америки все группы юпиков и южных инупиатов (аглегмуты, киятенцы, кускоквимцы, квихпакмюты, малеймюты и др.) рассматривались в русских документах как мирные люди (последним инцидентом было нападение на Андреевскую факторию в нижнем течении Юкона в 1855 г.) (Гринёв 2016: 431). Ревизор Павел Головин писал в начале 1860-х годов: «Но не признавая над собою владычества русских, считая землю, на которой живут, своею собственностью, народы эти вообще миролюбивы и не беспокоят наших заселений» (Приложения к докладу... 1863: 309–310).

Здесь, очевидно, сказалось воздействие российской колонизации, вызвавшей определенные сдвиги в традиционной психологии туземцев, которой прежде была присуща (хотя и в разной степени) воинственность и агрессивность. РАК последовательно проводила политику по примирению ранее враждующих туземных групп, поскольку это мешало пушному бизнесу. Так, в письме от 18 мая 1823 г. главный правитель Русской Америки Матвей Муравьев рекомендовал Федору Колмакову, начальнику Ново-Александровского редута в устье реки Нушагак, постараться восстановить мир между местными группами эскимосов: «Очень сожалею, что аглегмутцы враждуют с киятенцами и кускоквимцами, поистине ты окажешь большую пользу Компании, если ты снова примиришь их, ибо от сей вражды сколько оне сами теряют, не менее того теряем и мы. Тебе должно быть крайне осторожну и хотя несколько прикрывать преданных к нам аглегмутцов, но отнюдь не ссориться с другими народами, стараться более быть посредником, нежели союзником» (ИРТО-4: 152). Колмаков успешно справился с заданием главного правителя, и в низовьях реки Нушагак вскоре воцарились мир и взаимовыгодная торговля.

Кроме того, Российско-Американская компания поддерживала миссионерскую деятельность Русской православной церкви среди юпиков Западной Аляски, где было основано две миссии — Нушагакская и Квихпакская, расположенные соответственно на реках Нушагак и Квихпак (эскимосское название реки Юкон) у селения Икогмют. Хотя к концу существования Русской Америки часть местных эскимосов была окрещена, но они лишь формально принимали новую веру, так как их образ жизни и традиции (например, многоженство) входили в противоречие с требованиями христианской религии. Тем не менее пропаганда христианской морали с призывами к милосердию, помощи ближним, очевидно, смягчала нравы местных жителей, косвенно влияя на их психологию. Правда, судить об этом можно только гипотетически, так как в известных автору источниках отсутствуют прямые доказательства таких перемен у юпиков середины XIX в. В качестве примера можно сослаться на записки главы Кенайской духовной миссии игумена Николая (1863), где говорится о том, что в связи с укоренением православия среди местных индейцев де-наина у них стало «больше мягкости в характере» (Русская Америка 1994: 239).

Что касается северных эскимосов инупиатов, то русская колонизация мало затронула этих туземцев, поскольку на их землях не было значимых русских поселений, а торговля велась нерегулярно, главным образом с помощью судов РАК, посылавшихся в район Берингова пролива в летний навигационный сезон. Гораздо чаще инупиак контактировали с американскими и европейскими китобоями, с 1840-х годов наводнивших воды Берингова и Чукотского морей, а потому говорить о каком-то заметном влиянии русских на психологию этих эскимосов явно не приходится.

Подводя общие итоги, можно сказать следующее. Как видно из проведенного исследования, объем информации в русских источниках о психологических особенностях различных групп эскимосов Аляски варьируется довольно значительно. Если психологический портрет южных эскимосов алятиик представлен достаточно полно, то о западных эскимосах юпик аналогичный материал имеется в гораздо меньших объемах, а об инупиаках почти отсутствует. Здесь сказались интенсивность и длительность контактов между пришельцами и туземцами. Совершенно очевидно, что изменения психологии и характера северных групп эскимосов были гораздо менее значительными, чем у алятиик на юге, которые гораздо раньше попали под прямой контроль колониальной администрации и имели более интенсивные контакты с русскими на протяжении более 80 лет.

Материалы ранних русских источников демонстрируют явное отличие традиционной психологии эскимосов от психического склада алеутов и частично индейцев. Так, несмотря на большое сходство в материальной и духовной культуре между алеутами и эскимосами аляутиик, для последних была характерна заметно большая живость эмоциональной сферы и темперамента, иная система чувств и восприятия других людей и животного мира. Позднее, уже после прихода русских, различия между алеутами и эскимосами проявились в отношении к православной религии, которую первые восприняли целиком и полностью, а вторые во многом чисто формально. Отсюда проистекала разница в поведенческих стереотипах и чертах характера представителей этих этнических сообществ. Вместе с тем российская колонизация приводила к общим переменам психического склада у большинства групп аляскинских туземцев, связанных с подавлением проявлений агрессивности и мстительности, с одной стороны, и с усилением скрытности, смирения и миролюбия — с другой. Эти перемены в психологии могли происходить как под прямым насильственным давлением колонизаторов (алеуты, аляутиик), так и косвенным образом под воздействием торговли и миссионерской деятельности среди живших к северу эскимосских групп.

Подобные перемены переживали и другие представители коренного населения Америки за пределами Аляски. Так, индейцы, жившие на берегах реки Колумбия за несколько десятилетий контактов с белыми торговцами кардинально поменяли свой менталитет. Не без сарказма высказался по этому поводу один из служащих британской Компании Гудзонова залива в разговоре с российским путешественником Николаем фон Фрейманом в 1841 г.: «Большие негодяи сделались ничтожными воришками, а большие герои малыми негодяями» (Савич 1846: 86). В Русской Америке лишь воинственные и независимые индейцы тлинкиты и жившие на далеком аляскинском севере эскимосы инуиак, а также ряд групп внутриматериковых атапасков, почти не контактировавших с европейцами в период Русской Америки, продолжали сохранять основные черты своей традиционной психологии вплоть до продажи Аляски США в 1867 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРГО — Архив Русского географического общества
РГАВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота
NARS — National Archives and Record Service (Национальное агентство документации и архивов, Вашингтон)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- АРГО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2. Рукопись А. С. Полонского «Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 по 1800 г.».
- АРГО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 55. Записки Г. Тебенькова о плавании к Уналпшке и к северным пределам колоний.
- РГАВМФ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 8. Дневник лейтенанта Ф. П. Литке, веденный во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка», 1817 — 1818 гг.
- NARS. RG 261. RRAC. Roll. 34. 6 мая 1832, № 186. Донесение в Главное правление Ф. П. Врангеля.
- Вениаминов И. Е.* Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. II. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1840.
- Гринёв А. В.* Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). М.: Academia, 2016.
- Дорошин П. П.* Из записок, веденных в Америке // Горный журнал. 1866. № 3. С. 365–400.
- Ефимов А. В.* Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. М.: Военное изд-во Мин-ва Вооруженных Сил СССР, 1948.
- Загоскин Л. А.* Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. / общ. ред., примеч. и коммент. М. Б. Черненко, Г. А. Аграната, Е. Э. Бломквист. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1956.

Кашеваров А. Ф. Обзорение берегов Северной Америки от мыса Барроу, совершенное русской экспедицией в 1838 г. // Сын отечества. 1840. № 1. С. 127–144.

Коцебу О. Е. Путешествия вокруг света / под ред. и с примеч. Г. В. Яникова. 2-е изд. М.: Географгиз, 1948.

Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803–1806 годах / вступ. ст. Н. В. Дмитрашко. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1947.

Приложения к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб.: в тип. Деп-та внешней торговли, 1863.

Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841 / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Наука, 2005.

Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / отв. ред. А. Д. Дридзо, Р. В. Кинжалов. М.: Мысль, 1994.

Русская Тихоокеанская эпопея / под ред. В. А. Дивина и др. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1979.

Савич А. Н. Извлечение из отчета г-на Фреймана, ездившего чрез владения Гудзонбайской компании // Записки Русского географического общества. Кн. 1. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1846. С. 79–92.

Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Изд-во «Э», 2016.

Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / сост., введ. и коммент. Р. Г. Ляпуновой, С. Г. Федоровой. Л.: Наука, 1979.

Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам / под ред. с предисл. и примеч. Б. П. Полевого. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1971.

Шелихов Г. И., Давыдов Г. И. Русская Америка. М.: Эксмо, 2019.

REFERENCES

Efimov A. V. *Iz istorii russkikh ekspeditsii na Tikhom okeane. Pervaia polovina XVIII veka* [From the History of Russian Expeditions in the Pacific Ocean. First Half of the 18th Century]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva Vooruzhennykh Sil SSSR, 1948. (In Russian)

Grinev A. V. *Aliaska pod krylom dvuglavogo orla (rossiiskaia kolonizatsiia Novogo Sveta v kontekste otechestvennoi i mirovoi istorii)* [Alaska under the Wing of a Double-Headed Eagle (Russian Colonization of the New World in the Context of National and World History)]. Moscow: Academia, 2016. (In Russian)

Khlebnikov K. T. *Russkaia Amerika v neopublikovannykh zapiskakh K. T. Khlebnikova* [Russian America in the Unpublished Notes of K. T. Khlebnikov]. Comp. and comment. by R. G. Liapunova and S. G. Fedorova. Leningrad: Nauka, 1979. (In Russian)

Kotsebue O. E. von. *Puteshestviia vokrug sveta. Izdanie 2* [Travels around the World. 2nd ed.]. Ed. and comment. by G. V. Yanikov. Moscow: Geografiz, 1948. (In Russian)

Lisianskii Yu. F. *Puteshestvie vokrug sveta na korable "Neva" v 1803–1806 godakh* [Journey around the World on the Ship "Neva" in 1803–1806]. Ed. and introd. art. by N. V. Dmitrashko. Moscow: Gosuderstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, 1947. (In Russian)

Rossiisko-Amerikanskaia kompaniia i izuchenie Tikhookeanskogo Severa, 1815–1841 [Russian-American Company and the Study of the Pacific North, 1815–1841]. Ed. by N. N. Bolkhovitinov. Moscow: Nauka, 2005. (In Russian)

Russkaia Amerika. Po lichnym vpechatleniiam missionerov, zemleprokhodtsev, moriakov, issledovatelei i drugikh ochevidtsev [Russian America. According to the Personal Impressions of Missionaries, Explorers, Sailors, Researchers and Other Eyewitnesses]. Ed. by A. D. Dridzo, R. V. Kinjalov. Moscow: Mysl', 1994. (In Russian)

Russkaia Tikhookeanskaia epopeia [Russian Pacific Epic]. Ed. by V. A. Divin et al. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. (In Russian)

Sarychev G. A. *Puteshestvie flota kapitana Sarycheva po severo-vostochnoi chasti Sibiri, Ledovitomu moriu i Vostochnomu okeanu* [Journey of Fleet Captain Sarychev through the Northeastern Part of Siberia, the Arctic Sea and the Eastern Ocean]. Moscow: Izdatel'stvo «E». 2016. (In Russian)

Shelikhov G. I. *Rossiiskogo kuptsa Grigoriia Shelikhova stranstvovaniya iz Okhotska po Vostochnomu okeanu k Amerikanskim beregam* [Russian Merchant Grigorii Shelikhov Wandering from Okhotsk along the Eastern Ocean

to the American Shores]. Ed., intro. and comm. by B. P. Polevoi. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. (In Russian)

Shelikhov G. I., Davydov G. I. *Russkaia Amerika* [Russian America]. Moscow: Eksmo, 2019. (In Russian)

Zagoskin L. A. *Puteshestviia i issledovaniia leitenanta Lavrentiia Zagoskina v Russkoi Amerike v 1842–1844 gody* [Travels and Researches of Lieutenant Lavrentii Zagoskin in Russian America in 1842–1844]. Ed. and comment. by M. B. Chernenko, G. A. Agranat, E. E. Blomkvist. Moscow: Gosuderstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, 1956. (In Russian)

Submitted: 08.04.2022

Accepted: 30.07.2022

Published: 10.10.2022